

Видимо, *вбдровь*, при условии утраты этимологических связей, могло быть преобразовано из **бодрѡвь* (с передвижкой ударения) еще и под влиянием образований с префиксом *во-*, многочисленных в русских говорах, таких, как *вбкисло* и т. д.

Сочетание значений 'иней' и 'закваска; дрожжи' мы встречаем у продолжений праслав. **srěš(ž)ь*. Так, ст.-слав. *срѣша* значит 'дрожжи, закваска, faex' (Miklosich 879), словенское же *srěž* значит 'иней; первый лед; винный камень' (Pleteršnik II, 563); болг. диал. севллиев. *скреш* — 'замерзшая роса на деревьях'²¹, родоп. *скреш* — 'снег на ветвях деревьев'²², родоп. *стрешел* 'мокрая земля, разбухшая от мороза'²³, велеш. *скреш* — 'одеревенелое сжатое состояние частей тела, особенно ног и рук'²⁴; болг. диал. *скрежѣнки* — 'отдельные кристаллы инея'²⁵ и т. д.

П. Скок предполагал, что значение 'закваска' — метафора по отношению к значению 'иней' (Skok III, 320—321).

Вернемся к *бáдровь*, которое, по мнению О. Н. Трубачева, родственно прилаг. **bъdrъjь*. Значения прилагательного *бдрый* в русских говорах, в частности, следующие: калуж., псков., твер., арханг. 'мужественный, крепкий, здоровый', арханг. олон. 'крепок (об одежде)'. Возможно, что значение 'крепкий' легло в основу (*в*)*бá(о)дрѡвь* 'закваска', 'иней'. Ср. рус. диал. сиб. *закрѣпнѣть* 'стать прочным, покрыться толстой ледяной коркой (о снеге)'²⁶, блр. диал. *кранѣн* (*кранѣн*) 'сильный мороз' (Янкоўскі II, 115). Ср. также *utrdniti* (< **utvrdniti*) 'затвердеть', *utrdniti se* — 'скиснуть' (Pleteršnik III, 740).

Нельзя, однако, исключить возможность другой этимологии арханг. *вбдровь* 'иней': расчленения слова на префикс *вб-* и *дрѡвь*. Ср., например, сиб. пркут. *вб-речье* 'заговор, заговаривание, напечтывание знахаря' (Филин 5, 99), перм. солпк. *во-трѣбка* 'трубка' (Там же, 161). Неясным остается *-дрѡвь*. Не связано ли *-дрѡвь* с праслав. **drъvo* 'дерево', т. е. первоначально имелся в виду иней, появляющийся на деревьях, ср. тульск. *бскор* 'древесная губка', которое М. Фасмер этимологизирует как *о-* и *скорá, корá*, т. е. то, что на коре (растет) (Фасмер III, 160). Или же здесь имеются в виду древовидные кристаллы инея? В английской метеорологической научной терминологии есть термин *dendritic crystal frost* — 'древовидный кристаллический иней'²⁷.

Носителями славянских языков различались кристаллы инея по форме. Ср. такую украинскую примету, данную в переводе на русский язык: «Если иней нарастает на деревьях в виде остюков (игл), то будет урожай ячменя; если нарастает шишками, к урожаю гречи; если нарастает цветам — к урожаю плодов»²⁸.

Примечания

- ¹ Картоoteca Псковского областного словаря (в Межкафедральном словарном кабинете филол. ф-та ЛГУ).
- ² Картоoteca Севернорусской Топонимической Экспедиции (Свердловск, Уральск. ун-т).
- ³ *Москвельевич С. Милош*. Збирка речи из Поцерине и других крајева (рукоп. Серб. АН, Белград).

- ⁴ *Kupiszewski W.* Słownikto meteorologiczne w gwarach i historii języka polskiego. Wr. etc., 1969, 18.
- ⁵ *Brandt P.* Кое-что о нескольких словах. 6. квас — свадьба. — РФВ, т. LXXIV, 2, N 4. 1915, 354—355.
- ⁶ *Bisernice iz belokranjskega narodnega zaklada v Adlešičih* nabral Ivan Šašelj. Ljubljana, 1906, I, 299.
- ⁷ Картоoteca Новгород. пед. ин-та.
- ⁸ *Maciejewski J.* Słownik chełmińsko-dobrzyński. Toruń, 1969, 142.
- ⁹ *Kupiszewski W.* Słownikto meteorologiczne w gwarach i historii języka polskiego. Wr. etc., 1969, 19.
- ¹⁰ *Idem.*, 23.
- ¹¹ *Баханькоў А. Я.* Пра варыва, пражонку и розны трунак. — В кн.: Народнае слова. Мінск, 1976.
- ¹² Запись моя. Клинский район Московской области.
- ¹³ Запись моя. Москва.
- ¹⁴ *Южо Т. Г.* З лексікі гаворкі Ганыльшчыны. — В кн.: Жывое слова. Мінск, 1978, 175.
- ¹⁵ Вопросник общеславянского лингвистического атласа. М., 1965, 231.
- ¹⁶ *Сігедэ П. Г.* Матэрыялы для дыялектага слоўніка Брэстчыны. — В кн.: Народная лексіка. Мінск, 1978, 86—87.
- ¹⁷ *Ковачев Ст.* Троянскыят говор. — В кн.: БД IV, София, 1968, 195.
- ¹⁸ *Ивашко Л. А.* Картоoteca Печорского словаря (в Межкафедральном словарном кабинете филол. ф-та ЛГУ).
- ¹⁹ Картоoteca Севернорусской топонимической экспедиции (г. Свердловск. Уральск. ун-т).
- ²⁰ *Яшкін Г. Я.* З лексікі вёскі Дзяржынск Лельчыцкага раёна. — В кн. Народная лексіка. М., 1977, 142.
- ²¹ *Ковачев Николай П.* Речник на говора с. Кръвеник, Севлиево. — В кн.: БД V, София, 1970, 40.
- ²² *Стойчев Т.* Родопски речник. — В кн.: БД II, София, 1965, 267.
- ²³ Там же, 273.
- ²⁴ *Георгов Ва. А.* Материали за рѣчника на велешкия говоръ. СБНУ, XX, 2. С., 1904, 66.
- ²⁵ *Roseska W.* Bulgarskie słownikto meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wr., etc., 1972, 60.
- ²⁶ Запись А. А. Пыхтесовой.
- ²⁷ Англо-русский метеорологический словарь. М., 1959, 65.
- ²⁸ *Ермолов А.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Всенародная агрономия. II, СПб., 1905, 509.

М. П. Дадашев

О НЕКОТОРЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИЗОГЛОССАХ ЗАПАДНОИРАНСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Западноирано-общеевропейские ареальные изоглоссы, равно как и восточноирано-общеевропейские, представляют собой структурные сходения тех или иных общепранских по происхождению языков с языковыми представителями (древне)общеевропейского ареала, а именно: германскими, италпийскими, кельтскими, балтийскими, славянскими и пратохарским.

«Под ареальными понимаются такие изоглоссы, которые не возводятся к единому праязыку и возникали в послепраязычный период на почве исторически складывавшихся территориальных общностей»¹.

Структурно-этимологические совпадения фонетического, морфологического, лексико-семантического и словообразовательного уровней имеют важное или даже принципиальное значение для установления характера и степени родства между отдельными ареалами индоевропейской языковой области, а также для определения продолжительности лингвистических контактов после распада первоначальной индоевропейской этнолингвистической общности. Об этом могут свидетельствовать непротиворечивые высказывания некоторых советских и зарубежных лингвистов. Так, например, болгарский языковед Вл. Георгиев высказывается о роли морфологических совпадений для выяснения вопроса о более или менее тесных генетических отношениях между носителями индоевропейских языков следующим образом: «При этом мы начнем с морфологии, так как наличие одинаковых морфем является важным доводом в пользу родства двух языков: морфемы труднее всего подвергаются заимствованию. Близость балтославянского с германскими становится ясной при рассмотрении данных из области морфологии»². В. И. Абаев, говоря о топонимике как о важном историческом источнике, вместе с тем подчеркивает принципиально важное или даже решающее значение морфологических изоглосс для определения степени родства между отдельными этнолингвистическими комплексами. С этой точки зрения обращает на себя внимание и глубоко нас убеждает следующее высказывание В. И. Абаева: «Конечно, топонимика и сама по себе представляет важный исторический источник, но ее значение неизмеримо возрастает, когда топонимические обследования сочетаются с археологическими, антропологическими и ареально-лингвистическими. Совпадение топонимических данных с распространением археологических комплексов, определенных антропологических признаков и в особенности определенных языковых изоглосс становится прочной основой для этногенетических связей. Следует при этом подчеркнуть, что лингвистические показания не все в этом плане равноценны. Лексические заимствования, если мало или совсем не затрагивают основной словарный фонд, не имеют решающего значения. Зато фонетические и структурные изоглоссы говорят обычно о глубоких и интимных связях, об этническом взаимопроникновении и преемственности»³. Другой советский ученый А. А. Зализняк, затрагивая проблему славяноиранских отношений древнейшей поры, также указывает на необходимость изучения ареально-лингвистических изоглосс для решения вопроса о действительном объеме, характере и времени культурно-исторических связей между славяноязычными и прапоязычными племенами. По этому поводу он пишет таким образом: «... изучение сферы фонетических, морфологических и в особенности лексических явлений, общих для славянских и иранских языков, представляет самостоятельный интерес, поскольку оно расширяет наши знания об истории этих явлений в каждой из этих языковых групп»⁴.

Применительно к западноиранским и общеевропейским языкам вопрос об изучении морфологических этимологических изоглосс также представляется актуальным.

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые словообразовательные этимологические изоглоссы западноиранских и европейских языков, которые, на наш взгляд, отражают временную локальную общность упомянутых языков.

Сравнительно-исторический и историко-этимологический анализ изоглоссных явлений в словообразовании западноиранских и общеевропейских языков имеют, с нашей точки зрения, существенное значение для выяснения вопроса об участии западноиранских языков в общепранско-древнеевропейских контактах, для установления характера культурно-исторических связей между западноиранскими (и отчасти общепранскими) и общеевропейскими лингвистическими комплексами, а также для определения степени родства между отдельными ареалами индоевропейской языковой области.

Говоря о словообразовательных изоглоссах западноиранских и древнеобщеевропейских языков, мы имеем в виду такие структурные сходства, или параллели, когда индоевропейские базы или индоевропейские корнеслова, имеющие распространение в отдельных ареалах индоевропейской области, оформляются характерной для тех и других языков одинаковой суффиксальной морфемой.

При рассмотрении вопроса о словообразовательных этимологических соответствиях западноиранских и европейских языков мы допускаем мысль о возможности участия в них одного, двух или нескольких иранских и неиранских языков.

Анализ морфемной структуры ряда корнеслов словарных сходжений западноиранских языков (например персидский, таджикский, татский, тальшкский, курдский) и некоторых языковых представителей общеевропейского ареала (например германские, италийские, балтийские) дал нам возможность выделить в словообразовательной системе тех и других языков, с одной стороны, уменьшительно-ласкательный суффикс *-l-* и, с другой — словообразовательный элемент *-ī-*, встречающийся в основах абстрактных существительных, образованных от корней прилагательных.

И.-е. формант *-l-* с различными огласовками в виде (*-lo-*, *-li-*, *-lu-*)⁵ в уменьшительно-ласкательном значении засвидетельствован в праиндоевропейской эпохе⁶. На иранской почве этот суффикс встречается также с различными огласовками, однако в виде *-la-*, *-li-*, *-il-*, *-ul-*. Древнеиндоевропейский диминутивный элемент *-l-*, не засвидетельствованный в двух древнеиранских диалектах (авестийском и древнеперсидском), удержался, однако, в отдельных живых западноиранских языках, бывших в праиранскую эпоху близкородственными диалектами общепранского языка-основы, ср., например, перс. *bozṛola*, тадж. *buzṛola*, тат. *bijzla* 'козленок' от перс. *boz*, тадж. *buz*, тат. *bjz* 'коза'.

И.-е. уменьшительно-ласкательный суффикс *-l-* с нарушением закона праиранского ротацзма обнаруживает широкое распростра-

нение и продуктивное использование в системе именного словообразования таких современных западноиранских языков, как татский и талышский⁷, ср., например: талыш. *boili* 'братец' от *bo(a)* 'брат', *kināli* 'девочка, девчушка' от *kina* 'девица', *mamali* 'мамочка' от *mama* 'мать', *gugla* 'теленочек' от *gug* 'теленек', *kutula* 'щенок' от *kutu* 'коротышка', *sūkola (sykla)* 'петушок' от *sūk (syk)* 'петух', *gadali* 'мальчик' от *gada* 'малый' и т. д.; тат. *gædællæ* 'маленький мальчик' от *gædæ* 'малый, парень', *govdulæ* 'маленький хлев' от *govdū* 'хлев', *govlæ* 'коровушка' от *gov* 'корова', *nargovlæ* 'бычок' от *nargov* 'бык', *asplæ* 'лошадка, жеребеночек' от *asp* 'лошадь, конь', *bijzlæ* 'козленок' от *bijz* 'коза', *dæ-dæ-læ* 'мамочка, матушка' от *dæ-dæ* 'мать', *bæ-bæ-læ* 'папочка' от *bæ-bæ* 'папа, отец', *duxæ(r)læ* 'доченька' от *duxæ(r)* 'дочь', *kuklæ* 'сынчик, сыночек' от *kuk* 'парень, подросток; сын', *birorlæ* 'братик, братишка' от *biror* 'брат', *dæs(t)læ* 'ручка, ручонка' от *dæs(t)* 'рука', *djylæ* или *djydjylæ* (с редупликацией) 'двойка, двоечка' от *dj* или *djydj* 'два', *sæ* или *sæ-sæ-læ* (с удвоением) 'тройка, троечка' от *sæ* или *sæ-sæ* 'три', *mæ læ*, *tjylæ*, *ulæ* (личные местоимения 1-го, 2-го и 3-го лица ед. числа в уменьшительно-ласкательном употреблении) от *mæ* 'я', *tj* 'ты', *u* 'он', *xiniklæ* 'холодненький' от *xinik* 'холодный', *xublæ* 'хорошенький' от *xub* 'хороший', *raçlæ* 'красивенький' от *raç* 'красивый', *tozælæ*, *tazalæ* 'новенький' от *toza*, *taza* 'новый', *sipilæ* 'беленький' от *sipi* 'белый' и др.

Вышеприведенные примеры наглядно показывают, что суффиксальный элемент *-l-* в словообразовательной системе татского языка является единственным средством, служащим для образования диминутивных имен (существительных, местоимений, числительных и прилагательных).

С нарушением древнеиранского ротацизма уменьшительно-ласкательный элемент *-l-* в виде (*-ul-*, *-yl-*, *-il-*)⁸, как установил В. И. Абаев, хорошо распознается также в небольшом числе диминутивных образований северо-восточноиранского (или скифо-осетинского) языка, ср., например: *boedul* 'птенец, детеныш', *qoebul* 'дитя, дитяток', *zoekul* 'мешочек', *wadul* 'щечка' и т. д.

Существование и.-е. лексико-морфологического форманта *-l-* в уменьшительно-ласкательном значении, с одной стороны, на почве западноиранских языков и, с другой — на почве северо-восточноиранского (или скифо-осетинского) языка позволяет рассматривать его как общеиранскую словообразовательную изоглоссу. За пределами западноиранского и северо-восточноиранского ареалов и.-е. диминутивный суффикс широко представлен в лексике некоторых (древне)общеиранских языков, например, таких, как германские, италийские (латинский), балтийские (литовский), ср., например: др.-исл. *mýsla* ж. р. 'мышонок' от *mús* ж. р. 'мышь'; гот. *ma-wilō* ж. р. 'девочка' от *mawi* ж. р. 'дева, девица, девчушка', *barnilō* ср. р. 'ребенок, ребеночек' от *barn* ср. р. 'дитя', *magula* м. р. 'маленький мальчик, мальчишка, мальчонок' от *magus* м. р. 'парень, подросток'; др.-англ. *cyrnel* 'зернышко' от *corn* ср. р. 'зерно'; др.-сакс. *scalculo (skalkilo)* м. р. 'молодой раб' от *scale (skalk)* м. р. 'раб, слуга'; др.-в.-нем. *burgila* ж. р. 'городишко, городок' от *burg* ж. р.

'город'; лат. *porculus*, лит. *parszēlis* 'поросенок'; лат. *ratula*, лит. *ratēlis* 'маленькое колесо' и др.

Рассматривая системное употребление и продуктивное использование и.-е. форманта *-l-* для образования диминутивных имен в некоторых иранских и европейских языках, можно считать, что суффикс *-l-* выступает в этих языках как один из общих элементов их морфологической структуры.

Учитывая то обстоятельство, что и.-е. лексико-морфологический элемент *-l-* с уменьшительно-ласкательным значением получает широкое распространение и имеет продуктивное использование в некоторых современных иранских языках, бывших некогда диалектами общеиранского языка-основы, а также и в некоторых языках древнеобщеиранского ареала (например, германские, латинский, литовский), то мы вправе рассматривать его как общеирано-европейскую ареальную словообразовательную изоглоссу.

Появление индоевропейского диминутивного суффикса в виде *-l-*⁹, а не в виде *-*r-* на почве северо-восточноиранского (скифо-осетинского) и западноиранского ареалов вслед за В. И. Абаевым мы объясняем доисторическими ареальными контактами и адстратными взаимовлияниями представителей общеиранского и древнеобщеиранского ареалов в юго-восточной Европе в начале общеиранского периода, т. е. в начале II тысячелет. до н. э.

Другой общеирано-европейской ареальной изоглоссой является, на наш взгляд, и.-е. словообразовательный формант *-ī-*, который засвидетельствован в производных именных образованиях западноиранских (например, персидский, таджикский, татский, талышский, курдский), северо-восточноиранских (например, афганский) и древнеобщеиранских языков (например, германские).

В лексике упомянутых языков представляется возможным выделить значительное количество производных существительных с и.-е. *-ī-*, в исходе структуры корнеоснов которых он является прозрачным, хорошо распознаваемым и легко вычленимым. В подтверждение высказанной мысли можно привести следующие примеры: перс. *xubi*, *nikī* 'добро, доброта' от перс. *xub*, *nik* 'хороший, добрый', перс. *tæmizī* 'чистота' от перс. *tæmiz* 'чистый' и т. д., тадж. *xubi*, *nekī* 'добро, доброта' от тадж. *xub*, *nek* 'добрый, хороший', тадж. *tozahi* 'чистота' от тадж. *toza* 'чистый', тат. *xubi*, *nikī* 'добро, доброта' от тат. *xub*, *nik* 'хороший, добрый' и т. д., курд. *dilī* 'добро, доброта' от курд. *yê dil* 'добрый' и т. д.; афг. *nikī* 'добро, доброта' от афг. *nik* 'добрый'; афг. *šadi* 'радость' от афг. *šad* 'радостный' и т. д.; гот. *haihei* 'высота' от гот. *haihs* 'высокий'; др.-в.-нем. *hōhi* 'высота' от др.-в.-нем. *hōh* 'высокий'; гот. *hrainei* 'чистота' от гот. *hrains* 'чистый'; др.-в.-нем. *reini* 'чистота' от др.-в.-нем. *rein* 'чистый' и т. д.

Хотя приведенные корнеосновы иранских и германских языков в историко-этимологическом отношении друг с другом не тождественны, тем не менее наличие в тех и других языках в исходе основ слов суффиксального элемента *-ī-* является очевидным фактом. Этот формант имеет в современных западноиранских и отчасти в восточно-

иранских языках, равно как и в древних германских языках, широкое распространение и систематическое использование и выступает в словообразовательной системе названных языков как живое и продуктивное средство. Расширение гласа производных абстрактных существительных от корней качественных прилагательных посредством форманта *-i-* мы рассматриваем как общее ареальнолингвистическое новообразование, как структурно-этимологическую инновацию, появившуюся в результате этногенетических взаимодействий и взаимовлияний.

Принимая во внимание высказывания советских и зарубежных ученых (как, например, В. И. Абаев, А. А. Зализняк, Вл. Георгиев и др.) о роли морфологических элементов для установления характера и степени родственных связей между отдельными лингвистическими комплексами индоевропейской языковой общности, мы вправе сделать вывод о том, что наличие словообразовательных суффиксов *-i-* и *-i-* в системе морфологии некоторых иранских и некоторых общеевропейских языков может в какой-то мере свидетельствовать об ареальных контактах и о более или менее близкородственных связях между ними в послепераязычный период.

Примечания

- ¹ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, 145—146.
- ² Георгиев Вл. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, 230.
- ³ Абаев В. И. О происхождении фонемы *γ* (*h*) в славянском. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1964, 115—121.
- ⁴ Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских отношений древнейшего периода. — В кн.: Вопросы славянского языкознания. М., 1962, 6, 28—45.
- ⁵ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938, 278—280.
- ⁶ Kluge Fr. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. Halle (Saale), 1926, 10—11, 28—29; Willmanns W. Deutsche Grammatik II, II. Strassburg, 1899, 260, 262, 270—271; Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen II, I. Strassburg, 1889, 186—188; Horn P. Neupersische Schriftsprache. — In.: Grundriss der iranischen Philologie I, II. Strassburg, 1898—1901, 55, 183.
- ⁷ Миллер В. В. Тальшский язык. М., 1953, 97.
- ⁸ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы, 40, 80—81.
- ⁹ Там же.

А. Жаршабетов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТИМОЛОГИИ И ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В РУССКИХ НАЗВАНИЯХ РАСТЕНИЙ

Изучение лексики по отдельным тематическим группам представляет собой один из возможных и оправдавших себя путей этимологического исследования тюркских заимствований в русском

языке. Это связано с особенностями каждой лексической группы, которые соответственно требуют применения также разных методических приемов. Так, тюркские по происхождению названия растений в русском языке характеризуются рядом специфических особенностей, которые необходимо учитывать при их этимологизации.

1. При изучении тюркизмов-названий растений слову собственно тюркского происхождения и названия, перешедшие в русский язык из восточных языков через тюркские, нужно отграничивать от собственно русских образований на базе тюркизмов, не являющихся названиями растений.

Слова первой группы, как правило, восходят к соответствующим названиям растений в языках-источниках. Для слов же второй группы, образовавшихся на русской почве по русским словообразовательным моделям, естественно, мы не находим тюркских соответствий именно как названий растений. Так, названия типа *бузарка*, *ливинка*, *татарник*, *татарка*, *татарин*, а также *арсланец*, *бирючник*, *баймак*, *епанча* (*епанечник*), *клубук* (*клубучок*), *султан* (*султанчики*), *бирюза*, *бисерник* и др. лишь показывают, что в процессе номинации растений в русском языке наряду с исконными элементами участвуют также тюркские заимствования, но подобных им соответствий в тюркских языках не имеется.

2. Имеет принципиальную важность различение названий культурных и дикорастущих растений, которые отличаются друг от друга как способами и путями заимствования, так и своими судьбами в системе заимствующего языка. Если названия диких растений заимствуются обычно благодаря тесным территориальным, бытовым контактам и путь проникновения их в язык лежит через говоры и диалекты, то названия культурных растений распространяются весьма сложными и разнообразными путями. В этом случае часто заимствование названия сопутствует заимствованию соответствующей культуры.

3. Названия растений, которые представляли большую ценность своим применением в качестве лекарств, пряностей, красителей, также получали широкое распространение, часто передаваясь из одного языка в другой вместе с соответствующей реальностью, независимо от введения в культуру самих растений. Факт наличия таких названий во многих языках разных систем при отсутствии удовлетворительной этимологии на почве того или иного языка заставляет исследователей каждого языка обращаться за разъяснениями к другим языкам, в которых имеются соответствующие названия.

Так большие трудности в отношении определения генетического источника вызывает название степного ядовитого растения *Strychnos puch vomica* и лекарства из него *кучеляба*, имеющее очень много диалектных вариантов, часто претерпевших причудливые изменения: *кучеля* (сиб. — Даль ² II, 229), *кучелеба*, *куцелёба* (донск.) ¹, *кичилибуха* (вят., перм. — Филан 13, 247), *чичилибуха* (вят. — Даль ² II, 229); *чечелибуха*, *чилибуха*; *чилилибуха*, *целибуха*, *тельчибух* (енс.) ² и др. Ср. также параллели и серб. *kučiba*, *želibuha*, чеш. *kulčiba* то же, польск. *kulczyba*, диал. *kulczyber*, *kielczyber*, *kilczybor*.